

Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия

Тылец В.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Краснянская Т.М.

АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (АНО ВО МосГУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Иохвидов В.В.

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» (ГБОУ ВО СГПИ), г. Ессентуки, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2081-8005>, e-mail: vl наука@mail.ru

Цель. Установление потенциала рефлексивного отражения личной безопасности субъекта-ми в построении сценариев конфликтного взаимодействия.

Контекст и актуальность. Сохранение и распространение психологической практики конфликтного взаимодействия требует продолжения исследований, направленных на углубление понимания факторов его возникновения и динамического развития. Проведение работы в этом направлении авторами статьи увязывается с введением в исследовательское пространство конфликтологии категории личной безопасности. Соответствующий ей феномен, попадая в базовые слои потребностной сферы человека, приобретает управляющий статус для его активности, в том числе имеющей форму конфликтного взаимодействия.

Дизайн исследования. В работе продемонстрированы возможности построения сценариев личной безопасности субъектов конфликтного взаимодействия и выявление их различий в зависимости от содержания рефлексии. Процедуры сравнения количественного распределения различных типов сценариев безопасности проводились с использованием критерия ϕ^* (углового преобразования Фишера).

Участники. Российская выборка: 250 человек (52,0% девушек и 48,0% юношей) в возрасте от 18 до 21 года ($M=19,6$, $SD=19,5$).

Методы (инструменты). Основными выступили методы анализа продуктов деятельности и экспертной оценки, дополнительный – метод уточняющей беседы.

Результаты. Рефлексия личной безопасности влияет на количественные и качественные особенности взаимодействия субъектов конфликта. Объем и целевой полюс личной безопасности выступают частными параметрами рефлексии субъектами конфликтного взаимодействия и определяют сценарий его построения.

Основные выводы. Построение сценариев конфликтного взаимодействия с учетом особенностей рефлексии личной безопасности его субъектами дает новое видение процессов инициации, планирования, развития и прекращения конфликта. Сценарии конфликтного взаимодействия обнаруживают ресурсные приоритеты вовлеченных в него субъектов как продуктивную зону приложения усилий в интересах его преодоления.

Ключевые слова: конфликтное взаимодействие, субъект, рефлексия, ресурс, личная безопасность, сценарий конфликтного взаимодействия.

Для цитаты: Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В. Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 159–173. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130110>

Personal Security Scenarios of Subject of Conflict Interaction

Valery G. Tylets

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Tatyana M. Krasnyanskaya

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Vladimir V. Iokhvidov

Stavropol State Pedagogical Institute, Yessentuki, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2081-8005>, e-mail: vl nauka@mail.ru

Objective. *Establishing the potential of reflexive image of personal security by subjects in the construction of scenarios of their conflict interaction.*

Background. *The preservation and dissemination of the psychological practice of conflict interaction require further research aimed at improving the understanding of the factors of its occurrence and dynamic development. The authors of the article link their work in this direction with the introduction of the category of personal security into the research space of conflictology. The corresponding phenomenon, falling into the basic layers of the human need sphere, acquires a controlling status for its activity, including that in the form of conflict interaction.*

Study design. *The paper demonstrates the possibility of constructing scenarios of personal security of subjects of conflict interaction and identifying their differences depending on the content of reflection. Procedures for comparing the quantitative distribution of different types of security scenarios were performed using the criterion φ^* (Fisher's angular transformation).*

Participants. *Russian sample: 250 people (52.0% of girls and 48.0% of boys) aged 18 to 21 years ($M=19.6$, $SD=19.5$).*

Measurements. *The main methods were the analysis of products and expert evaluation, the additional method was the clarifying conversation.*

Results. *The reflection on personal security affects the quantitative and qualitative features of the interaction of conflict subjects. The scope and target pole of personal security are private parameters of reflection by subjects of conflict interaction and determine the scenario of its construction.*

Conclusions. *The construction of scenarios of conflict interaction, taking into account the peculiarities of personal security reflection by its subjects, gives a new vision of the processes of initiation, planning, development and termination of the conflict. Scenarios of conflict interaction reveal the resource priorities of the subjects involved in it as a productive zone for applying efforts in the interests of overcoming it.*

Keywords: *conflict interaction, subject, reflection, resource, personal security, conflict interaction scenario.*

For citation: Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M., Iokhvidov V.V. Personal Security Scenarios of Subject of Conflict Interaction. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 159–173. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130110> (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день конфликт рассматривается в качестве неотъемлемой составляющей социального и индивидуального существования. Многоаспектные исследования, проведенные в научных традициях философии, социологии, психологии, экономики, политологии, позволили обозначить методологические и теоретические основы конфликтологии как дисциплины, изучающей широкий круг вопросов, связанных с возникновением, протеканием, прекращением и профилактикой разного рода конфликтов [6; 14; 16]. Концептуально осмысленные эмпирические факты, механизмы и закономерности конфликтного взаимодействия способствовали построению эффективных подходов к поддержке решения возникающих в связи с ним прикладных запросов [20; 21]. Однако конфликты не исчезают, а проникают в новые ранее не свойственные человеку сферы взаимодействия, устанавливают ассоциации с неявными для него комплексами потребностей, приобретают мнимо условный характер, скрытые и искаженные формы и т.д. Это делает их неочевидными, глубоко латентными, слабо визуализируемыми, а значит, в целом трудно контролируемыми. При этом множественные трансформации, вызванные в том числе перемещениями конфликтов в зону виртуальности, не меняют их сущностную природу, в силу чего они сохраняют, а в ряде случаев и усиливают свою разрушительность как на уровне индивидов, их групп, так и на уровне организаций, разного рода общностей. Усиление разрушительности конфликтов свидетельствует о необходимости интенсификации процессов в соответствующем исследовательском сегменте на новом уровне сложности с учетом текущих реалий. Совершенствование техник рабо-

ты с конфликтами требует дальнейшего углубления понимания механизмов их продуцирования и развития, возможно, с привлечением ранее не учитываемых обстоятельств [1; 15; 19]. Перспективным в этой связи представляется введение в обозначенное проблемное пространство концепта безопасности.

Категория безопасности, актуализируемая при характеристике практически всех явлений и процессов, на текущий период порождения знания прочно вошла в сферу исследовательских интересов ряда научных дисциплин (политических, экономических, правовых, психологических, педагогических). В зависимости от выбранного поискового ракурса она привлекается для анализа в качестве условия, признака, параметра существования некоторого объекта или составляет самостоятельный предмет изучения как особое проявление действительности [8]. Субъектная локализация допускает ее категоризацию в качестве личной безопасности. Соответственно, под личной безопасностью понимается безопасность, рефлексивируемая субъектом в отношении себя. Специфика понимания данного феномена детерминируется позицией, занимаемой к нему наблюдателем: для оценки извне достаточна констатация факта и условий сохранности субъекта; рассмотрение изнутри связано с установлением сложных комплексов причинно-следственных связей и разрывов в ресурсном, аксиологическом, конативном и темпоральном измерении бытийного пространства субъекта. В первом случае личная безопасность обычно раскрывается как защищенность субъекта, во втором случае, наряду с текущей защищенностью, учитывается перспектива воспроизводства его благополучия. Содержательно наиболее близким к конфликтологической

проблематике выступает сложившаяся в дисциплинах психологического цикла практика обращения к безопасности как реальности, присущей отдельным индивидам, их группам и общностям, т.е. активно действующим системам, состояние внутренних функций которых является идентификационно решающим для принятия в отношении них атрибутирования [4; 10]. С этой точки зрения, абстрагируясь от частных особенностей конкретных систем, безопасность может трактоваться как особая проекция ситуационно-средовых условий и факторов на внутреннюю структуру систем, обеспечивающая переживание ими защищенности и возможности воспроизводства не снижающегося развития в интересах достижения некоторой приоритетной для них цели [9]. Попадание безопасности в базовые слои потребностного блока рассматриваемых систем определяет управляющий статус безопасности в построении их активности, в том числе имеющей форму конфликтного взаимодействия. В полной мере сказанное относится к личной безопасности как частному проявлению безопасности.

Между тем, такой статус до сих пор не привел к введению безопасности в соответствующее тематическое пространство в качестве полноценного предмета исследований. Она продолжает лишь подразумеваться самоочевидной причиной поведения человека или некоторой группы людей в периоды зарождения, генезиса и локализации конфликтов. Сам же феномен безопасности в его проекциях на функции, вовлеченные в конфликтный процесс, не детализируется и прицельно не рассматривается, что образует некоторые пробелы понимания конфликтной детерминации и динамики определяемого ею взаимодействия. Из всего спектра возможных направлений разработ-

ки обозначенной проблемной области нашей целью выступило изучение на основе квазиэксперимента ресурсного потенциала рефлексивного отражения личной безопасности субъектами в построении сценариев конфликтного взаимодействия. Здесь и далее под сценариями в самом общем виде рассматривалось описание ожидаемого после возникновения конфликтного взаимодействия сочетания его логически увязанных, согласованных элементов, ведущих к его завершению. Исследовательской гипотезой выступило предположение о возможности использования особенностей рефлексивного отражения субъектами личной безопасности для дифференциации сценариев их взаимодействия в конфликте. Такое предположение базировалось о ранее сделанных выводах о значимости осмысления особенностей субъектов экстремальных ситуаций [18]. Объектом исследования явилось рефлексивное отражение личной безопасности субъектами конфликтного взаимодействия, его предметом — сценарии взаимодействия в конфликте субъектов рефлексии личной безопасности. Задачами исследования выступили: введение трактовки ресурсного потенциала субъекта конфликтного взаимодействия, обоснование ведущей роли в нем рефлексивного отражения субъектами личной безопасности и демонстрация возможности использования полученных результатов для построения сценариев конфликтного взаимодействия.

Уточним, что в статье нами использовалось понятие «конфликтное взаимодействие», под которым понималась часть феномена конфликта, а именно — взаимодействие между людьми в конфликтной ситуации на фоне переживания последними негативных эмоций в отношении друг друга. Кроме того, при

описании результатов исследования привлекались с общенаучной интерпретацией понятия «стратегия» и «тактика»: стратегия — обобщенный план или набор целей, тактика — часть стратегии, представленная конкретными шагами или действиями, которые используются для ее реализации.

Метод

Схема проведения исследования.

В качестве основного при сборе информации выступил метод анализа продуктов деятельности. Респондентам предлагалось написать эссе «Я в конфликте». Перед его написанием давалась следующая инструкция: «Составьте описание наиболее типичной для Вас ситуации возникновения и развития конфликтного взаимодействия. Особое внимание уделите анализу причин предпринимаемых в нем шагов, своих и оппонента». Первичный анализ текстов состоял в изучении оценок поведения каждого из участников диады конфликтного взаимодействия.

Следующий этап сбора эмпирического материала основывался на методе экспертной оценки, в ходе которого перед специалистами была поставлена задача идентификации по текстовому материалу обозначенных сценариев конфликтного взаимодействия и соотнесения с ними привлекаемого субъектами ресурсного потенциала. Экспертами выступили профессиональные психологи (5 человек, стаж от 10 до 20 лет), владеющие техникой контент-анализа и подготовкой по проблемам конфликтологии и безопасности. Экспертная оценка включала этапы индивидуальной и коллективной работы.

Процедуры сравнения количественного распределения различных типов сценариев безопасности проводились с

использованием критерия φ^* (углового преобразования Фишера).

Итоговый этап интерпретации состоял в теоретической реконструкции и содержательном описании сценариев конфликтного взаимодействия. Получение дополнительной и уточняющей информации, необходимой для представления их качественных особенностей, осуществлялось на основе метода беседы, непосредственно проводимой с обладателями конкретных типов сценариев. В качестве наиболее типичных выступали следующие вопросы субъектам: «Что для Вас важнее в конфликте — сохранение имеющегося или достижение нового? Важно ли долго продумывать очередной шаг в конфликте? Эффективнее быстро разобраться с конфликтом или постепенно приходить к его завершению? Долго ли Вы обычно предпочитаете конфликтовать?».

Выборка исследования. Российская выборка включала в себя 250 студентов филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Эссентуки (52,0% девушек и 48,0% юношей) в возрасте от 18 до 21 года ($M=19,6$ лет, $SD=1,5$).

Методы исследования. Метод анализа продуктов деятельности, метод экспертной оценки, метод беседы.

Результаты

Первичный анализ текстов эссе состоял в изучении оценок поведения каждого из участников диады конфликтного взаимодействия. Он показал, что рефлексия личной безопасности, представленная в конфликте вниманием к своему физическому и психическому благополучию, к мере воплощения собственных интересов, является необходимым элементом принятия решений на всех эта-

пах построения конфликтного взаимодействия. Установлено, что рефлексия личной безопасности, среди прочих параметров, включает учет субъектами диады объема (достаточный, недостаточный) и целевого полюса (защищенность, развитие) безопасности вне зависимости от активности или пассивности роли, исполняемой ими в конфликте. Их сочетание реконструирует вариабельность сценариев конфликтного взаимодействия субъектов по рефлексии ими личной безопасности. Уточняя ранее введенную трактовку, отметим, что далее сценарии конфликтного взаимодействия описывались как сочетание приоритетных для сторон возможного конфликтного взаимодействия полюсов личной безопасности, определяющего некоторый характер его протекания и исхода.

Введение обозначений параметров (O+ – достаточный, O- – недостаточный объем, З – защищенность, Р – развитие как целевые ориентиры субъекта) и перебор их возможных сочетаний для участников конфликтного взаимодействия позволили обозначить его сценарный ряд в следующем виде: 1) O+З – O+З, 2) O+P – O+P, 3) O-З – O-З, 4) O-P – O-P, 5) O+З – O-З, 6) O+P – O-P, 7) O+З – O-P, 8) O+P – O-З.

Анализ текстов эссе на выявление объема и целевого ориентира безопас-

ности, обозначенных респондентами, проводился индивидуально каждым экспертом на основе метода понимания изложенного в работах содержания. Этап индивидуальной работы ориентировал каждого эксперта на начальную группировку респондентов по ведущему типу сценария безопасности. Инструкция: «Ознакомьтесь с текстами эссе. Ориентируясь на их смысловые элементы, определите полюсы безопасности, обозначенные каждым автором (O+ – достаточный, O- – недостаточный объем, З – защищенность, Р – развитие как целевые ориентиры субъекта), и на их основе – представленный в эссе сценарий конфликтного взаимодействия: 1) O+З – O+З, 2) O+P – O+P, 3) O-З – O-З, 4) O-P – O-P, 5) O+З – O-З, 6) O+P – O-P, 7) O+З – O-P, 8) O+P – O-З». Стандартизация экспертных оценок на данном этапе работы обеспечивалась предоставлением специалистам ориентировочной таблицы (см. табл.).

За этапом индивидуальной работы проходил этап группового согласования, по итогам которого соответствующие параметры закреплялись по каждому тексту. Этап коллективной работы имел своей целью окончательную группировку респондентов по ведущему полюсу безопасности, содержательно уточненному в таблице. Инструкция: «Обрати-

Таблица

Соотношение смысловых элементов текста и полюсов безопасности

Полюс безопасности	Смысловые элементы текста
O+	Указание на эмоциональный подъем, воодушевление
O-	Указание на тревожность, разочарование, апатию
З	Указание на стремление отстоять в конфликте свое мнение, свою позицию, сохранить уважение окружающих
Р	Указание на свою заинтересованность в изменении по итогам конфликта оппонентом своей позиции, в продвижении своих интересов, в получении каких-либо преимуществ для себя

теть к каждому эссе. Согласуйте свою позицию относительно представленного в нем сценария конфликтного взаимодействия».

Выявление арсенала сценариев на материале выборки подтверждает, что рефлексивное отражение субъектами личной безопасности может использоваться для дифференциации особенностей их конфликтного взаимодействия.

Работа экспертов способствовала получению следующей убывающей ранговой последовательности субъектных приоритетов сценариев конфликтного взаимодействия: $O_+P - O_3$ (65, т.е. 26,0%); $O_+3 - O_3$ (53, т.е. 21,2%); $O_+P - O_+P$ (40, т.е. 16,0%); $O_3 - O_3$ (35, т.е. 14,0%); $O_+3 - O_+3$ (30, т.е. 12,0%); $O_+P - O_+P$ (15, т.е. 6,0%); $O_+3 - O_+P$ (8, т.е. 3,2%); $O_+P - O_+P$ (4, т.е. 1,6%).

Следующим шагом проведено статистическое сопоставление распределения частот различных групп сценариев конфликтного взаимодействия с H_0 «Доля сценариев с заявленным полюсом безопасности в группе 1 не больше, чем в группе 2» и H_1 «Доля сценариев с заявленным полюсом безопасности в группе 1 больше, чем в группе 2». Полученная последовательность иллюстрирует статистическую тенденцию, в соответствии с которой конфликтное взаимодействие чаще ($\varphi^*_{эмп}=1,817$, $\varphi^*_{,05}=1,64$, $\varphi^*_{,01}=2,31$, $p<,05$, H_0 отвергается, принимается H_1) возникает при несовпадении у его субъектов рефлексивного объема личной безопасности (сценарии $O_+P - O_3$; $O_+3 - O_3$; $O_+P - O_+P$; $O_+3 - O_+P$ составляют 56,4% от всего арсенала). Также установлено, что рефлексия субъектом объема личной безопасности специализирует выбор им стратегии построения конфликтного взаимодействия: рефлексия их достаточности (сценарии $O_+P - O_3$, $O_+P - O_+P$ и $O_+P - O_+P$ составляют

48,0% в противовес сценариям $O_+3 - O_3$, $O_+3 - O_+3$ и $O_+3 - O_+P$, составляющим 36,4%) статистически значимо ($\varphi^*_{эмп}=1,669$, $\varphi^*_{,05}=1,64$, $\varphi^*_{,01}=2,31$, $p<,05$, H_0 отвергается, принимается H_1) определяет выбор им развивающей стратегии, а недостаточности (сценарии $O_+P - O_3$, $O_+3 - O_3$ и $O_3 - O_3$ составляют 61,2% в противовес сценариям $O_+P - O_+P$, $O_+3 - O_+P$ и $O_+P - O_+P$, составляющим 10,8% всего арсенала) – защитной стратегии построения конфликтного взаимодействия ($\varphi^*_{эмп}=7,969$, $\varphi^*_{,05}=1,64$, $\varphi^*_{,01}=2,31$, $p<,01$, H_0 отвергается, принимается H_1).

Содержательный анализ текстов эссе показал, что различия рефлексивного отражения личной безопасности в конфликтном взаимодействии определяют темпоральные особенности его протекания и приоритетные поведенческие стратегии его субъектов.

Сценарий $O_+3 - O_+3$ представлен стратегией двусторонней экономии энергии, сочетающейся с осознанием достаточности своего ресурсного потенциала. Присущая по сценарию рефлексия личной безопасности участниками диалогической пары обеспечивает вялотекущее развитие конфликта с их участием, характеризующееся тщательным продумыванием предпринимаемых шагов. Вместе с тем уверенность в своей безопасности может приводить к использованию в отношении противника приемов, предполагающих нанесение серьезного ущерба. Равенство исходных ресурсных позиций по данному сценарию предопределяет длительность конфликтного взаимодействия.

Сценарий $O_+P - O_+P$ основан на стратегии максимального расширения своего жизненного потенциала на фоне субъектной рефлексии исходной обеспеченности высокого уровня личной безопасности. Данному случаю соответ-

ствуется реализация наиболее динамичного и напряженного из всех возможных разновидностей конфликтного взаимодействия. Обе стороны, переживая высокий уровень безопасности, открыты для привлечения широкого арсенала средств решения своих задач и мобильной перестройки позиций конфликтного взаимодействия. Однако равенство исходных ресурсных позиций, как и в первом случае, может явиться причиной достаточной длительности выстраиваемого противостояния.

Сценарий $O_3 - O_3$ характеризуется направленностью сторон на защиту имеющегося (минимального) уровня ресурсного потенциала при рефлексии отсутствия личной безопасности. Сценарий данного типа реализуется в случае неизбежности для субъектов вхождения в конфликтное взаимодействие. Высокая ресурсная истощенность сторон диалогической пары делает для каждой из них актуальной стратегию минимизации конфликтного взаимодействия, делающую его «вялотекущим» и пролонгированным вплоть до затухания или изменения ресурсных характеристик сторон.

Сценарий $O_P - O_P$ предполагает стратегию ресурсного захвата на фоне рефлексии участниками конфликтного взаимодействия отсутствия личной безопасности. Предопределенная сценарием нацеленность субъектов на расширение объемов своей безопасности сталкивается с низкой ресурсной обеспеченностью обеих сторон взаимодействия, существенно ограничивающей их конфликтную активность. Такая ситуация с высокой вероятностью провоцирует выбор скрытых средств воздействия на противника, позволяющих достичь желаемые результаты без открытого столкновения с расходом значительных энергетических ресурсов. Дефицит исходных

ресурсов обеих сторон определяет предпочтение ими стратегии проведения быстротечного конфликтного взаимодействия с использованием неожиданных, энергосберегающих, но эффективных приемов.

Сценарий $O_+3 - O_3$ построен на неравноценности ресурсной базы субъектов конфликтного взаимодействия при совпадении их стратегической направленности на защиту имеющегося состояния своей безопасности. При данном сценарии сторона конфликта, переживающая достаточность уровня личной безопасности, может позволить себе использование более ресурсоемких средств защиты, чем вторая сторона диалогической пары. Ей также может принадлежать большая инициатива построения конфликтного взаимодействия. Оппонент склонен предпочитать стратегию минимизации открытого противодействия с использованием энергосберегающих приемов. Ориентация обеих сторон диалогической пары на защиту достигнутого ими благополучия повышает вероятность затяжного конфликта.

Сценарий $O_+P - O_P$ сочетает захватнические стратегии субъектов с разным базовым ресурсным потенциалом. Сторона, рефлексировавшая достаточные объемы личной безопасности, в большей степени предрасположена к привлечению масштабных средств воздействия на противника, позволяющих получить максимальную удовлетворенность в своей победе. Сторона, переживающая дефицит личной безопасности, в большей мере склонна добиться ее прироста путем минимизации своих энергозатрат, т.е. избегая открытых столкновений и сокращая длительность самого конфликтного взаимодействия. Конфликт по такому сценарию может быть достаточно краткосрочным.

Сценарий $O_+Z - O_P$ предполагает полное противопоставление сторон конфликта по их исходным ресурсам и конечным целям взаимодействия, которое можно рассматривать как несимметричное в силу неадекватности сочетания источниковой и целевой составляющих реализуемых ими стратегий. При этом сторона рефлексии достаточных объемов безопасности реализует тактику ее защиты, а сторона рефлексии отсутствия личной безопасности — тактику ее расширения. Значительность ресурсов безопасности может выступить основой для реализации продуманной и подкрепленной необходимыми средствами защиты, а рефлексия дефицитарности личной безопасности — спровоцировать многочисленные, но неуверенные атаки. Данная ситуация способна превратить конфликтное взаимодействие в пролонгированное во времени противостояние с мощной защитой первой стороны и слабым, а потому безуспешным, нападением второй стороны.

Сценарий $O_+P - O_Z$ содержит полное противопоставление сторон конфликта по их исходным ресурсам и конечным целям взаимодействия, однако его характеристики делают взаимодействие сторон более скоротечным. Сочетание субъектной рефлексии ресурсной обеспеченности и ориентации на развитие является предпосылкой построения энергичной, с использованием разнообразных средств наступательной тактики, а отсутствие ресурсов и субъектная ориентация на защиту — уязвимой выжидательной позиции. В данном случае сторона рефлексии высокого уровня личной безопасности имеет высокие шансы реализовать свою направленность на развитие посредством «силовой» победы над защищающейся стороной, обладающей минимальными ресурсами безопасности.

Обсуждение результатов

Полученные результаты показали возможность использования рефлексии личной безопасности для построения сценарного разнообразия конфликтного взаимодействия, а также влияние ее особенностей на реализуемый в конфликте сценарий. Отталкиваясь от них, мы можем сделать новые для рассматриваемой проблемной области выводы, согласно которым рефлексия субъектом личной безопасности обеспечивает достаточную динамичность конфликтного взаимодействия, детерминированную непостоянством факторов, релевантных безопасности, и качества технической стороны приобретения ими ресурсности. Соответственно, продуктивные с точки зрения накопления ресурсного потенциала периоды могут сменяться периодами падения личностного потенциала, вплоть до критического уровня. О падении ресурсного потенциала субъекта в ходе конфликтного взаимодействия свидетельствуют когнитивные — перцептивные и интеллектуальные (снижение интенсивности познавательных процессов), эмоциональные (преобладание астенических эмоций над стеническими эмоциями, появление отрицательных сдвигов в настроении), личностные (падение уверенности в себе, в своих способностях) нарушения [2; 5; 7; 11]. Субъект переживает рост утомляемости в сочетании с развитием фрустрационных тенденций. На поведенческом уровне способны проявиться неоправданное удлинение сроков принятия решений, потеря быстроты реакции на изменение ситуации конфликтного взаимодействия, возрастание числа ошибочных действий. В целом, изменение ресурсной базы на основе рефлексии личной безопасности задает индивидуальную специфичность

поведенческих потенциалов субъектов конфликтного взаимодействия [3; 12].

Динамичность, в целом присущая ресурсному потенциалу субъекта конфликтного взаимодействия, усиливается неустойчивостью, заложенной в природе самого феномена личной безопасности. Принципиальная оппозиционность образующих ее начал, защищенности и стремления к развитию как отказу от защищенности предполагает непрерывный, преимущественно интуитивный, поиск оптимального соотношения между ними через периодический отказ от одного в пользу другого [13]. Соблюдение или несоблюдение данного динамического оптимума является предпосылкой субъектной рефлексии некоторого уровня личной безопасности, что рассматривается немаловажным для организации субъектом конфликтного взаимодействия.

Ресурсный потенциал субъектного отражения личной безопасности наделяется нами наибольшей значимостью на достаточно взаимосвязанных друг с другом этапах принятия решения о вхождении в ситуацию конфликта и постановки цели его завершения, т.к. он определяет исходную стратегию организации конфликтного взаимодействия. Интуитивно или осознанно реализуемая рефлексия субъективной достаточности объема личной безопасности обычно детерминирует согласие на участие в конфликтном взаимодействии (в качестве инициатора или ответной стороны), его недостаточности — не приводит к однозначному отказу от него. Во втором случае решающую роль играет постановка цели конфликтного взаимодействия: даже при недостаточности исходного уровня безопасности ориентация на итоговое приращение объемов личной безопасности может выступить основанием для участия в конфликте. Неоднозначные для сторон конфликта ре-

зультаты рефлексивного отражения личной безопасности могут использоваться для реконструкции сценариев реализуемого в нем взаимодействия [17].

Факторы, релевантные ресурсному потенциалу субъекта, поддаются характеристике на основе содержательных и инструментальных свойств: первые объясняют потенциальную ресурсность для субъекта некоторого класса ситуаций или условий, вторые — обозначают техническую возможность рефлексивного отражения факторов как составляющих ресурсного потенциала субъекта. К инструментальным свойствам фактора могут относиться, например, его доступность рефлексивному отражению субъекта, смысловая когерентность создаваемого образа уже оформившимся личностным смыслам субъекта.

Для ситуации конфликтного взаимодействия ресурсная содержательность фактора определяется его предрасположенностью обеспечивать решение задач, актуальных для субъекта в текущий и постконфликтный период. В массив таких факторов могут входить, например, опыт конфликтного взаимодействия с оппонентом, наличие группы сочувствующих, владение конфликтообразующей тематикой, заинтересованность в определенном исходе конфликта, т.к. дают субъекту преимущества психологической поддержки завершения конфликта в свою пользу. Сопоставление ресурсоёмких факторов конфликтного взаимодействия позволяет сделать вывод, согласно которому личная безопасность обладает наибольшей ресурсной содержательностью, что позволяет причислить ее к приоритетному фактору создания ресурсного потенциала. Следует признать, что вне зависимости от осознания субъектом ресурсной значимости и целевой приоритетности личной безопасности,

она существенна для выстраиваемого им конфликтного взаимодействия. Вместе с тем не каждый потенциально ресурсный фактор способен продуктивно участвовать в создании ресурсного потенциала субъекта конфликтного взаимодействия. Его субъектное отражение, вероятно, должно дополняться наделением достаточным для конфликтной ситуации энергосмысловым началом, определяющим ресурсоемкость для субъекта получаемого феномена, — особыми установками, ценностями, убеждениями и т.д. относительно существенной значимости конкретного фактора для преодоления возникших трудностей взаимодействия.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило возможность использования рефлексивного отражения субъектами личной безопасности для изучения сценарного разнообразия их конфликтного взаимодействия. Было эмпирически доказано влияние рефлексии личной безопасности на количественные и качественные особенности взаимодействия субъектов конфликта. Признавая, что объем и целевой полюс личной безопасности являются частными параметрами рефлексии субъектами конфликтного взаимодействия, мы продемонстрировали их значимость для понимания динамичности этого взаимодействия.

Полученные материалы показали, что построение сценариев конфликтного взаимодействия на основе оценки рефлексии ее субъектами личной безопасности позволяет выявить их ресурсные приоритеты. В связи с этим требуют отдельного изучения возможные трансформации потенциальных ресурсов субъектов в ходе активной реализации конфликта, как в пользу их усиления, так и в пользу ослабления на всей траектории выстраиваемого взаимодействия.

В заключение статьи подчеркнем перспективность введения категории личной безопасности в исследовательское пространство конфликтологической проблематики при рассмотрении вопросов управления конфликтным взаимодействием субъектов на этапах его подготовки, реализации и завершения. Ее использование способно обеспечить построение новых интерпретационных конструкций в отношении процессов инициации, планирования, динамического развития, затухания, локализации и прекращения конфликта. Наибольшими возможностями такого рода, с нашей точки зрения, обладает субъектная проекция личной безопасности, позволяющая увидеть новые причинные основания специфики конфликтного взаимодействия субъектов различных ситуаций и использовать достигнутое понимание для повышения продуктивности его регулирования.

Литература

1. Гагай В.В. Зависимость способов поведения старших дошкольников в конфликтной ситуации от типа привязанности к матери // Национальное здоровье. 2020. № 3. С. 70—73.
2. Голубь О.В., Тарасова Е.В. Проявление ценностно-смысловых конструктов личности в конфликтной ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 78—82.
3. Демиденко Н.Н., Абросова Т.М. Стратегии поведения в конфликтных ситуациях студентов вуза с различной направленностью личности // Вестник Тверского государственного университета. 2009. № 6. С. 10—27.

4. *Дресвянникова Е.А.* Антиконфликтный потенциал — основа безопасности профессионального коллектива ГИБДД МВД России // Вестник Научного центра безопасности жизнедеятельности. 2017. № 3. С. 101–110.
5. *Жирарде М., Гришина Н.В.* Психологические особенности отношения к конфликтам // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2014. Т. 2. С. 109–114.
6. *Калел М., Темиргазина З.К., Абзуддинова Г.К.* Конфликтные ситуации между взрослыми и детьми // Педагогический вестник Казахстана. 2020. № 1. С. 45–54.
7. *Кашапов М.М., Пошехонова Ю.В.* Когнитивные характеристики педагогов в условиях конфликтного взаимодействия с детьми // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 2017. № 29. С. 98–105.
8. *Краснянская Т.М., Тылец В.Г.* Психологическая безопасность в системе факторов санаторно-курортного оздоровления // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2017. № 4. С. 26–30. DOI:10.17116/kurort201794426-30
9. *Краснянская Т.М., Тылец В.Г.* Ресурсы психологической безопасности личности в зависимости от трудового статуса пенсионера // Успехи геронтологии. 2018. Т. 31. № 1. С. 39–45.
10. *Кудака М.А., Маралов В.Г., Нуртаев Е.Р.* Отношение к опасностям казахских и российских студентов // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 3. С. 156–173.
11. *Куулар Ш.В., Будук-оол Л.К.* Психофизиологические особенности студентов с разным типом стратегии поведения в конфликтных ситуациях // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 5. С. 67–80.
12. *Лымарь Н.Г.* Психологические средства разрешения межличностного конфликта: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2008. 20 с.
13. *Молокоедов А.В., Слободчиков И.М., Франц С.В.* Безопасность личности: комплексный анализ [Электронный ресурс]. ООО «Левь», 2017. URL: <https://litportal.ru/avtory/andrey-molokoedov/kniga-bezopasnost-lichnosti-kompleksnyy-analiz-805756.html> (дата обращения: 02.10.2020).
14. *Оболонский Ю.В.* Феномен аутсорсинга в Российской Федерации как психологический инструмент в управлении конфликтами на предприятиях реального сектора // Живая психология. 2020. № 4. С. 19–29.
15. *Смирнова Ю.С., Довгилевич А.Е.* Взаимосвязь когнитивной гибкости и типов реагирования на конфликт старших школьников и студентов // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. № 3. С. 53–59.
16. *Степанова О.С., Николаева А.А.* Исследование характера конфликтов между родителями и педагогами в образовательной организации // Педагогика и просвещение. 2020. № 4. С. 1–17.
17. *Стоянова И.Я., Смирнова Н.С.* Предикторы психологической безопасности у пациентов депрессивного спектра // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1(48). С. 6.
18. *Тылец В.Г., Краснянская Т.М.* Психологические особенности представлений любителей произведений фантастического и детективного жанров о субъекте безопасности // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 3. С. 180–193. DOI:10.17759/exppsy.2020130314
19. *Улыбина Е.В., Филиппова А.Е.* Вклад социальных верований и ситуативных факторов в поддержку намерения одной из сторон защищать свои интересы в организационном вертикальном конфликте // Организационная психология. 2020. № 2. С. 58–74.
20. *Хусаинова С.В., Галимов Р.Р.* Доминирующие стратегии поведения курсантов при разрешении конфликтных ситуаций в учебно-профессиональной деятельности // Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 158–162.

21. Шевцова Ю.В., Плотнова С.В., Козловская Е.Ю. Роль коммуникативной компетенции врача в организации эффективного взаимодействия с пациентом и в разрешении и предотвращении конфликтных ситуаций // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. № 1. С. 399–403.

References

1. Gagai V.V. Zavisimost' sposobov povedeniya starshikh doshkol'nikov v konfliktnoi situatsii ot tipa privyazannosti k materi [Dependence of the ways of behavior of senior preschoolers in a conflict situation on the type of attachment to the mother]. *Natsional'noe zdorov'e = National Health*, 2020, no. 3, pp. 70–73. (In Russ.).
2. Golub' O.V., Tarasova E.V. Proyavlenie tsennostno-smyslovykh konstruktov lichnosti v konfliktnoi situatsii [Manifestation of value-semantic constructs of the individual in a conflict situation]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby = Bulletin of the peoples' friendship University of Russia*, 2012, no. 3, pp. 78–82. (In Russ.).
3. Demidenko N.N., Abrosova T.M. Strategii povedeniya v konfliktnykh situatsiyakh studentov vuza s razlichnoi napravlennoy lichnosti [Strategies of behavior in conflict situations of University students with different personality orientations]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tver state University*, 2009, no. 6, pp. 10–27. (In Russ.).
4. Dresvyannikova E.A. Antikonfliktnyi potentsial – osnova bezopasnosti professional'nogo kollektiva GIBDD MVD [Anti-conflict potential-the basis of security of the professional staff of the traffic police of the Ministry of internal Affairs of Russia]. *Vestnik Nauchnogo tsentra bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti = Bulletin of the Scientific center for life safety*, 2017, no. 3, pp. 101–110. (In Russ.).
5. Zhirarde M., Grishina N.V. Psikhologicheskie osobennosti otnosheniya k konfliktam [Psychological features of attitudes to conflicts]. *Nauchnye issledovaniya vypusknikov fakul'teta psikhologii SPbGU = Research of graduates of the faculty of psychology of St. Petersburg state University*, 2014. Vol. 2, pp. 109–114. (In Russ.).
6. Kalel M., Temirgazina Z.K., Abzuldinova G.K. Konfliktnye situatsii mezhdzhu vroslymi i det'mi [Conflict situations between adults and children]. *Pedagogicheskii vestnik Kazakhstana = Pedagogical Bulletin of Kazakhstan*, 2020, no. 1, pp. 45–54. (In Russ.).
7. Kashapov M.M., Poshekhonova Yu.V. Kognitivnyye kharakteristiki pedagogov v usloviyakh konfliktного взаимодействия s det'mi [Cognitive characteristics of teachers in the context of conflict interaction with children]. *Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh = Bulletin of the Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov Vladimir state University*, 2017, no. 29, pp. 98–105. (In Russ.).
8. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. Psikhologicheskaya bezopasnost' v sisteme faktorov sanatorno-kurortnogo ozdorovleniya [Psychological safety in the system of factors of health resort improvement]. *Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoi fizicheskoi kul'tury = Questions of balneology, physiotherapy and therapeutic physical culture*, 2017, no. 4, pp. 26–30. DOI:10.17116/kurort201794426-30 (In Russ.).
9. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. Resursy psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti v zavisimosti ot trudovogo statusa pensionera [Personal psychological security resources depending on the pensioner's employment status]. *Uspekhi gerontologii = Advances in gerontology*, 2018. Vol. 31, no. 1, pp. 39–45. (In Russ.).
10. Kudaka M.A., Maralov V.G., Nurtaev E.R. Otnoshenie k opasnostyam kazakhskikh i rossiiskikh studentov [Attitude to the dangers of Kazakh and Russian students]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow state regional University*, 2018, no. 3, pp. 156–173. (In Russ.).
11. Kuular Sh.V., Buduk-ool L.K. Psikhofiziologicheskie osobennosti studentov s raznym tipom strategii povedeniya v konfliktnykh situatsiyakh [Psychophysiological features of students with

- different types of behavior strategies in conflict situations]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Novosibirsk state pedagogical University*, 2017, no. 5, pp. 67–80. (In Russ.).
12. Lymar' N.G. Psikhologicheskie sredstva razresheniya mezhlichnostnogo konflikta. Avtoprof. diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological means of resolving interpersonal conflict. PhD (Psychology) Thesis]. Novosibirsk, 2008. 20 p. (In Russ.).
13. Molokoedov A.V., Slobodchikov I.M., Frants S.V. Bezopasnost' lichnosti: kompleksnyi analiz [Elektronnyi resurs] [Personal security: a comprehensive analysis]. «Lev LLC», 2017. URL: <https://litportal.ru/avtory/andrey-molokoedov/kniga-bezopasnost-lichnosti-kompleksnyy-analiz-805756.html> (Accessed 02.10.2020). (In Russ.).
14. Obolonskii Yu.V. Fenomen outsorsinga v Rossiiskoi Federatsii kak psikhologicheskii instrument v upravlenii konfliktami na predpriyatiyakh real'nogo sektora [The phenomenon of outsourcing in the Russian Federation as a psychological tool in conflict management at real sector enterprises]. *Zhivaya psikhologiya = Zhivaya psikhologiya*, 2020, no. 4, pp. 19–29. (In Russ.).
15. Smirnova Yu.S., Dovgilovich A.E. Vzaimosvyaz' kognitivnoi fleksibil'nosti i tipov reagirovaniya na konflikt starshikh shkol'nikov i studentov [Interrelation of cognitive flexibility and types of reaction to the conflict of senior schoolchildren and students]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya = Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*, 2020, no. 3, pp. 53–59. (In Russ.).
16. Stepanova O.S., Nikolaeva A.A. Issledovanie kharaktera konfliktov mezhdu roditelyami i pedagogami v obrazovatel'noi organizatsii [Study of the nature of conflicts between parents and teachers in an educational organization]. *Pedagogika i prosveshchenie = Pedagogy and education*, 2020, no. 4, pp. 1–17.
17. Stoyanova I.Ya., Smirnova N.S. Prediktory psikhologicheskoi bezopasnosti u patsientov depressivnogo spektra [Predictors of psychological safety in patients with depressive spectrum]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii = Medical psychology in Russia*, 2018. Vol. 10, no. 1(48), p. 6. (In Russ.).
18. Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M. Psikhologicheskie osobennosti predstavlenii lyubitelei proizvedenii fantasticheskogo i detektivnogo zhanrov o sub'ekte bezopasnosti [Psychological Peculiarities of Safety Concepts in Fans of Science Fiction and Detectives]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 3, pp. 180–193. DOI:10.17759/exppsy.2020130314 (In Russ.).
19. Ulybina E.V., Filippova A.E. Vklad sotsial'nykh verovanii i situativnykh faktorov v podderzhku namereniya odnoi iz storon zashchishchat' svoi interesy v organizatsionnom vertikal'nom konflikte [The contribution of social beliefs and situational factors to support the intention of one of the parties to protect their interests in an organizational vertical conflict]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2020, no. 2, pp. 58–74. (In Russ.).
20. Khusainova S.V., Galimov R.R. Dominiruyushchie strategii povedeniya kursantov pri razreshenii konfliktnykh situatsii v uchebno-professional'noi deyatelnosti [Dominating strategies of cadets' behavior in resolving conflict situations in educational and professional activities]. *Gumanitarnye nauki = Humanitarian science*, 2020, no. 3, pp. 158–162. (In Russ.).
21. Shevtsova Yu.V., Plotnova S.V., Kozlovskaya E.Yu. Rol' kommunikativnoi kompetentsii vracha v organizatsii effektivnogo vzaimodeistviya s patsientom i v razreshenii i predotvrashchenii konfliktnykh situatsii [The role of the doctor's communicative competence in the organization of effective interaction with the patient and in the resolution and prevention of conflict situations]. *Azimet nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimet of scientific research: Pedagogy and psychology*, 2020, no. 1, pp. 399–403. (In Russ.).

Информация об авторах

Тылец Валерий Геннадьевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Краснянская Татьяна Максимовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, АНО ВО «Московский гуманитарный университет» (АНО ВО МосГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Иохвидов Владимир Вячеславович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» (ГБОУ ВО СГПИ), г. Ессентуки, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2081-8005>, e-mail: vl наука@mail.ru

Information about the authors

Valery G. Tylets, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Tatyana M. Krasnyanskaya, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Vladimir V. Iokhvidov, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Stavropol State Pedagogical Institute, Yessentuki, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2081-8005>, e-mail: vl наука@mail.ru

Получена 25.11.2020

Принята в печать 28.01.2022

Received 25.11.2020

Accepted 28.01.2022